

КУЛЬТУРА

О.Ю.Корниенко

Языковой фактор и бразильская национальная идентичность

В статье рассматривается роль языкового фактора в формировании языковой идентичности на территории Бразилии. Национальная идентичность отражает сложные процессы существования и развития нации в рамках культурно-языковых координат, при которых язык является не только важным идентификационным фактором, но и объективным инструментом определения других факторов влияния на формирование бразильской нации и ее идентичности. Влияние экономических, пространственно-исторических и социальных процессов на становление идентичности анализируется с помощью авторского метода социолингвистического изоморфизма. В результате исследования было выявлено, что формирование бразильского варианта португальского языка происходило под воздействием индейских языков, информация о которых скрупулезно собиралась и систематизировалась иезуитами. Длительное время язык сохранял тесную связь с языком метрополии, встав на собственные рельсы лишь после обретения независимости. На современном этапе очевидны сдвиги в лингвистическом отражении бразильской действительности за счет увеличения полисемии, переноса значения, профессионального сленга СМИ, молодежного сленга.

Ключевые слова: бразильский португальский, тупи, словообразовательные механизмы, идентичность, заимствования, многозначность.

DOI: 10.31857/S0044748X0017114-4

Статья поступила в редакцию 10.03.2021.

Национальная идентичность — это система восприятия мира нацией, построенная на базовых национальных ценностях, которые появляются на определенной территории в ходе уникального исторического процесса под влиянием специфического уклада жизни, обычаев, традиций, верований, типа языка. Все эти факторы отражают сложные процессы существования и развития наций вообще и Бразилии в частности в пространственных, со-

Ольга Юрьевна Корниенко — кандидат филологических наук, МГУ им. М.В. Ломоносова, доцент факультета глобальных процессов (РФ, 119991 Москва, Воробьевы горы 1, <https://orcid.org/0000-0003-1593-1732>, lin_expr@mail.ru).

циально-политических и культурно-языковых координатах, которые находятся в центре внимания многих исследователей [1]; [2]; [3]; [4].

Российский ученый Яков Георгиевич Шемякин, характеризуя понятие «идентичность», особо выделяет важность «воли к целостности», без которой рассыпается духовная основа цивилизации. Идентификационные процессы могут усиливаться в условиях глобализационного давления посредством формирования образа «другого» [5]. При этом собственная идентичность рождается через исключение такого «другого», а усвоение основных ценностей в постоянно меняющемся мире возможно при сохранении целостного облика объекта развития. В результате возрастает роль культуры и языка, поскольку они оказывают влияние на современные социально-экономические и политические процессы, а также являются отражением этих процессов. Становление культуры любой нации является своего рода индикатором социально-политических процессов, происходящих в стране [6].

Сейчас ученое сообщество обратило внимание на то, что для формирования идентичности крайне важен язык [7], поскольку современный глобальный мир меняет наши представления о национальной и культурно-языковой идентичности, о независимости и взаимозависимости нации и входящих в ее состав народов. Язык, культурно-языковая идентичность нации является инструментом познания тех социально-политических и экономических процессов, которые происходят в обществе. Огромным преимуществом языка является то, что он объективен и независим от точек зрения историков, социологов, политиков и фиксирует события окружающего мира в форме новых словообразовательных механизмов.

Тезаурусы и словари, корпусы языков показывают, что язык имеет свои особые механизмы, отражающие изменения в социально-политической сфере, к которым относятся следующие явления: «заимствование» — при попытках встраивания в технологический прогресс; «конверсия» — при динамичном развитии нации; «метафорический перенос значения» — при развитии социальной сферы и собственных технологий; «словосложение» — при активной вовлеченности населения в социально-экономические процессы; «многозначность» — при становлении терминологической базы или при активном процессе семантического переноса, а также некоторые другие. Чем сложнее процесс развития цивилизации, тем все более актуальными становятся проблемы идентичности, мониторинг происходящих изменений и способы их интерпретации, что представляется важным рассмотреть в этой статье на примере Бразилии.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Идентичность — очень сложный феномен, поэтому он находится в центре внимания различных научных школ, в частности, таких, как геоллингвистика [8], где особое внимание уделяется распределению, расположению и структуре разновидностей языков; конструктивизм [9], где подчеркивается динамичная, социальная сущность идентичности; неотрадиционализм [10], в котором устанавливается огромная значимость традиций при определении идентичности локального сообщества и его социокультурных отличий от других сообществ; структурализм [11], где делаются попытки дать объяснение культурных явлений в увязке с социальными феноменами.

При анализе бразильской идентичности и месте языкового фактора в ее становлении и развитии необходимо использовать метод структурного анализа, исторический, геоллингвистический методы и социокультурный

подход. В самой Бразилии сегодня на вооружение взят метод геолингвистики, использующийся при составлении «Лингвистического атласа Бразилии», который должен представить мозаику этнокультурного многообразия языков и стоящих за языками культур.

Геолингвистика как научная дисциплина уже институционализована и развивается учеными через коллективную работу в специально созданных научных обществах (*The American Society of Geolinguistics, Dialectologia et Geolinguistica*). Главной целью является поддержка международных картографических проектов, таких, как «Атлас языков Европы», «Бразильский атлас». Данный подход демонстрирует то, что региональное деление в языковом плане имеет исторические корни, и его понимание поможет полнее охватить культурное многообразие страны.

Национальная или национально-культурная идентичность не является статичной, она переживает как плавные периоды развития, так и резкие, скачкообразные изменения, что всегда отражается в языке как важнейшем факторе идентичности. Для соотнесения языковых изменений с социальными трансформациями важно применить авторский метод социолингвистического изоморфизма. В 1960-е годы метод «изоморфизма языкового плана» использовался польской и копенгагенской структуральными школами, самым выдающимся представителем которой был Луи Елмслев [12]. Исследователи этой школы анализировали в основном параллелизм в организации звуковой и смысловой сторонах языка. Копенгагенская школа уделяла особое внимание связям между языковыми элементами, абстрагируясь от психологических, социальных и физических аспектов. Мы считаем, что введение нами термина «социолингвистический изоморфизм», с помощью которого устанавливаются связи между социальными процессами и формами их представления через языковые структуры, является необходимым инструментом для определения социально-политических и культурных связей и соответствий, выражаемых через механизмы языковых и лингвистической реалий, и поэтому он объективен. Кроме того, для исследования важен описательный метод, а также метод случайной выборки словоформ из словарей, текстов дискурса, медиатекстов и тезаурусов.

ДИСКУССИЯ

Появление «бразильца», имеющего собственную идентичность, становится одним из аспектов теоретических исследований в 30-е годы XIX в. Благодаря работам Франсиско Адолфо де Варнхагена [13], который связывал постепенное становление бразильской идентичности с родом занятий различных социальных групп (например, «китобой» (*baleeiro*), «плотник» (*carpinteiro*), «каменщик» (*pedreiro*), «бондарь» (*tanoeiro*) в становлении бразильской идентичности, было положено начало исследованию предмета.

Интересны работы миссионера-иезуита, исследователя быта, культуры и языка индейцев гуарани Антонио Руиса де Монтоя [14], работавшего в миссиях Парагвая, Бразилии, Боливии и Аргентины. В связи с колонизацией территории народов тупи-гуарани двумя разными странами — Португалией и Испанией — родственные народы гуарани и тупи называются в вышеперечисленных странах по-разному, хотя исторически разница между ними невелика. Руис де Монтоя отметил, что в 1548 г., когда иезуиты высадились на бразильском побережье, лингвистическая картина была очень сложной, поскольку не было монокультурных племен и гомогенных куль-

тур и языков. Они не являлись единым целым, что осложняло их переход под «руку» католического ордена.

Языки постоянно претерпевали множественные диалектные изменения, что, впрочем, иезуитов не очень удивило, поскольку в этот период и на территории Европы было множество диалектных форм и языковых вариаций. Португальцы в отсутствие единого лингвонима пользовались пиджином на базе словаря языков коренных индейцев нескольких племен. Этот пиджин стал *lingoa do Brasil* и использовался для коммуникации на обширных территориях вдоль восточного побережья.

Выдающийся ученый Жильберто Фрейре отметил, что долгое время сами португальцы в Бразилии не становились «бразильцами», несмотря на смешение народов, рас, языков, обычаев, развлечений, кухни, которые перемешались на территории страны, и он дал им имя «лузо-бразильцы» [15]. Сегодня в Бразилии «самобытные культуры отдельных диаспор и групп населения сосуществуют с наднациональной культурной идеологией» [16, с. 188], под лозунгом *Brasil — país de todos* («Бразилия — страна для всех»).

Важную роль в становлении идентичности сыграло провозглашение независимости, когда была предпринята попытка пробуждения национального сознания, возник новый интерес к пополнению бразильского варианта языка новыми лексемами языка «тупи жерал». В 30-е годы XX в. журнал с индейским названием *Niterói* получил поддержку от Бразильского исторического и географического института и стал активно продвигать образ «бразильца» посредством поэзии и индейской литературы.

КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В ИНДЕЙСКОЙ БРАЗИЛИИ

Этнически бразильская нация неоднородна, так как в ее формировании приняли участие три главные человеческие расы — монголоидная, негроидная и европеоидная. Кроме того, важен коренной индейский элемент, поскольку к моменту первой экспедиции Христофора Колумба индейское население Бразилии достигало 1 млн человек и было представлено тропическими и маргинальными индейцами. Тропические индейские племена жили в условиях первобытного коллективизма. Какой-либо определенной государственной организации у них не было, и говорили они на языках тупи-гуарани.

Вторую туземную группу составляли так называемые маргинальные индейцы, обитавшие в глубине материка, на внутренних плато Центральной Бразилии. К моменту прибытия европейцев уровень их развития был еще ниже, чем у тропических индейцев, государственность отсутствовала, племена вели полукочевой образ жизни и большинство из них говорило на языках «же». Племена были малочисленны, и, вполне ожидаемо, что и сами племена, и их язык к настоящему времени практически вымерли.

Португальские чиновники с индейцами не церемонились, особенно это касалось тропических туземцев. А вот роль иезуитов в Бразилии оказалась положительной: они помогали индейцам выжить. Каждая культура заняла свое законное место в колониальной иерархии, а на вершине, конечно, находилась культура европейская. Тем не менее самобытная индейская культура сыграла значительную роль в развитии бразильской цивилизации, становлении языка, что заметно даже сегодня. Несколько тысяч слов, обозначающих местные понятия, перешли из индейских наречий в португальский язык.

Не будучи убежденными расистами, португальцы не испытывали физического отвращения к людям другой расы, что пошло со времен вхождения самой Португалии в исламский Халифат. Вначале европейские миссионеры использовали для общения причудливую смесь разговорного порту-

гальского и местных наречий *lingua geral*. В то же время сами иезуиты активно внедряли идею инкорпорирования португальской цивилизации и католицизма без изменения культурно-языковой картины Бразилии, так что стоит рассмотреть языки-конкуренты португальского языка.

Развитая группа индейцев говорила на языке ветви тупи-гуарани [17], представители которого проживали на протяженной территории от устья Амазонки до глубинных территорий Бразилии и вдоль протяженной линии берегов Атлантического океана. В XVIII в. язык постепенно сошел на нет, но оставил после себя несколько контактных языков, главным из которых сегодня является «нъенгату».

Тупи является полисинтетическим языком, т.е. одно слово в нем состоит из нескольких морфем — как корневых, так и деривационных. Тупи — гибкий язык со свободой выбора при передаче содержания высказывания: содержание можно передать с помощью соединения морфем, а можно — с помощью синтетической фразы. Такие примеры, как *pe-akã-tym* («вы закапываете/закопали камень/камни») или *pe-nho-tym akanga* («вы закапываете/закопали камень/камни»), указывают на высокоразвитый синтаксис языка.

Множество вариативных грамматических форм свидетельствует о наложении древнего праязыка на местный, еще более древний субстрат, который в виде разных конструкций хорошо сохранился благодаря малому смешиванию с другими языками в дальнейшем. Последний феномен вполне объясним, так как форма передачи языка была устной, количество говорящих небольшим, а история столкновений с другими племенами не превратилась в длительную войну.

В языке тупи хорошо развита глагольная система, что указывает на длительную историю функционирования языка и развитое сознание говорящих на нем: есть переходные и непереходные глаголы, действительный и страдательный залого, противопоставление динамичных и статичных глаголов при свободном порядке слов [18].

В «тупи» чаще других встречаются грамматические модели: «субъект — предикат — объект» или «предикат — объект — субъект». Наличие таких предпочтений также свидетельствует о языке субстрате, в котором предложение строилось не вокруг подлежащего, а вокруг дополнений/объекта. Следующие примеры иллюстрируют гибкий порядок слов в языке тупи: «субъект — предикат — объект» — *Pindobusu o-s-epiak paranã* («Пиндобусу видит/увидел море»); «предикат — объект — субъект» — *o-s-epiakparanã Pindobusu* («Пиндобусу видит/увидел море»). Такая свободная компоновка и сейчас оказывает влияние на изменения в построении предложений в бразильском варианте португальского языка. В целом данный язык имел все лингвистические характеристики, чтобы стать *lingua franca* на территории Бразилии.

Маргинальные индейцы использовали язык «же» (жури, юри), который сейчас встречается в виде языка «тыкуна», который распространен в верховьях Амазонки, а число говорящих на нем составляет всего около 49 тыс. человек. Язык весьма специфичен, поскольку в зависимости от тона меняется значение слов. Кроме того, фонетические отличия по типу артикуляции звуков (переднеязычные, среднеязычные, заднеязычные) несут смысловую нагрузку. В «тыкуна» существует четкий порядок слов в предложении: подлежащее, сказуемое, дополнение.

Такое разнообразие языковых конструкций и у тропических, и у маргинальных индейцев указывает на несколько волн миграций в древности. Удивительным представляется то, что язык тупи-гуарани впитал в себя древние культуры, перемешал их и дал свободу выбора говорящим на нем.

Данная характеристика стала весьма актуальной на многие тысячелетия для языков и культур Бразилии.

ЭВОЛЮЦИЯ ЯЗЫКА В БРАЗИЛИИ

По мере роста смешанного населения и гибели основной массы индейцев от болезней, завезенных европейцами, португальский язык в Бразилии занял лидирующую позицию. Бразилия в XVIII в. сильно зависела от Португалии, что касалось экономики, технологий, языка и культуры. Сама же метрополия также переживала тяжелый период зависимости, который закончился к началу XIX в. Былое величие ушло, а новое осознание внутри португальской нации еще не возникло. И в новую индустриальную технологическую формацию Португалия и Бразилия вошли с таким состоянием языка, который предшествовал созданию единого системного языкового стандарта.

В этот период словарный состав языка активно обогащается за счет прямого заимствования латинских слов и латинских конструкций, когда новые слова создаются по латинским моделям. Основной пласт заимствований, помимо латинских, приходит из языков Азии и Африки: *chatim* («торговец, спекулянт»), *cachaça* («водка»), *cachimbo* («трубка»), *candonga* («черный рынок, контрабанда»), *lundu* («танец»), *mandinga* («колдовство»), *micata* («рабыня, сопровождающая хозяйку»), *quezília* («отвращение, раздражение»), *quindim*, *acarajé*, *moqueca* (блюда местной кухни), *cafuné* («ласка, поглаживание детей по голове»), *caçula* («младший ребенок в семье») [19].

Эпоха Просвещения совпадает со второй половиной XVIII в., то есть со временем вступления мира в новую технологическую формацию, что внесло некоторые изменения в мир-систему и культурно-языковую идентичность Бразилии. Португальцы в этот период хотели сделать свою американскую колонию простым производителем и поставщиком продуктов, которые можно было бы с большой прибылью продавать на европейских рынках. При этом они держали колонию в полной культурной изоляции.

Однако для Бразилии ситуация оказалась неплохой: данный период совпадает с развитием золотодобычи и добычи алмазов, в чем были положительные стороны для будущего страны, поскольку и сама колонизация, и язык начали проникать во внутренние части южноамериканского континента. Кроме того, экономическая обстановка требовала переориентации на Англию, Францию, Италию, и на место второго важного языка вырывается французский, результатом чего было активное вхождение в бразильский вариант португальского языка французских заимствований (галлицизмов).

Довольно большое количество заимствований этого периода указывает на отсутствие в Бразилии технологий и ее зависимость от европейских стран. Язык Бразилии во многом продолжает оставаться под влиянием португальской литературы и языка. Однако по всем признакам нация гораздо больше осознает себя свободной и независимой. Активизируются попытки осмыслить свой язык, литературу, место в истории, образование.

После революции 1822 г. Бразилия обретает независимость, а вслед за этим углубляются разночтения между португальским и бразильским языковыми вариантами. Так, португальский язык Лиссабона продолжает развиваться под мощным влиянием французского, испанского и английского языков. В бразильском же варианте того периода происходит некоторая консервация норм старопортугальской фонетики и лексики, активно усваиваются индейские и африканские слои лексики. Культура и язык Бразилии на этом этапе развиваются уже самостоятельно, однако по-прежнему чувствуется влияние Португалии. Данный

период характеризуется обращением к народной речи и народным традициям. Налицо увлечение стариной и фольклором, а язык строится на длинных, сложных грамматических периодах с множественными синонимическими повторами, с использованием книжной и официальной лексики в сюжетах на исторические и народные темы. На фоне этой книжной лексики неожиданно звучат заимствования из индейских языков.

Разговорная речь активно адаптирует обороты языка тупи и заимствует диалектные слова из языка индейцев, что происходит на фоне размежевания официального и разговорного стилей. Под влиянием демократических веяний начинается интенсивное заимствование французской лексики и способов словообразования, например, кальки сложносоставных слов: *materiaprima* (сегодня — *matéria prima*; «сырье»), *fazerpolitica* (*fazer política*; «играть в политические игры»), *pontodevista* (сегодня — *ponto de vista*; «точка зрения») и др.

Послереволюционный период является временем становления бразильской нации, которое в экономическом плане происходит очень сложно, но наблюдение за состоянием языка вселяет большой оптимизм, так как он становится менее закрепощенным, вместо многочисленных заимствований начинается активное использование лексем в значении признака, вырабатывается своя бразильская структура фразы.

Другим заслуживающим внимания феноменом является единство языка на всей огромной территории страны. Удивительно, что данное явление касается не только языка культурных слоев населения, но и просторечия. По словам бразильского писателя и лингвиста Гладстона Чавеса де Мело, «здесь, в Бразилии, наблюдается удивительное явление, весьма интересное для лингвиста: несмотря на обширность территории и трудности с сообщением, наш разговорный язык сохраняет заметное относительное единство, удивительное единообразие» [20, p. 109].

В начале XX в. Бразилия делает основную ставку на иностранные инвестиции, активно сотрудничает с Британией и США, что определяет социально-политические тренды в стране. В 70-е годы под их влиянием проводится политика *distens-ao* («планомерное, растянутое во времени смягчение авторитарного правления»), что особенно тяжело проходит в Амазонии. Под влиянием этих процессов португальский язык претерпевает на территории Бразилии множество изменений. Даже в письменной речи стали появляться элементы разговорной речи просторечия, и возникла востребованность орфографических реформ, поскольку орфография строилась (вслед за Португалией) на этимологическом принципе. По закону об орфографической реформе 1945 г. были упразднены латинизированные группы *ph, rh, th, ch, sc*. Заимствования идут почти исключительно внутри страны, в основном из языка тупи и около 400 слов из африканских языков кимбунду (банту) и йоруба (наго).

Для языка характерно распространение социальных жаргонов (*gíria*) со специфической лексикой. Кроме того, закрепляется характерный для Бразилии фонетический вариант, который оказывается несколько консервативным и фиксирует произносительные нормы, характерные для португальского языка XIX в., а также устанавливается бразильское произношение. Бразильское произношение более вялое и медленное, в нем меньше различий между произношением ударных-неударных слогов, что также является свидетельством влияния местных индейских языков.

В стране все больше чувствуется воздействие индейских языков с их категориями видимости/невидимости, близости/отсутствия близости, поэтому активно развиваются два типа обращения: довольно распространенное фамильярное и более официальное. Под влиянием нового темпа жизни у слов появляются новые значения: *garoto* («озорник», «мальчишка» — в

Португалии, но мальчик, юноша — в Бразилии; *appear-se* («спешиться, слезть с коня — в Португалии; остановиться на ночь — в Бразилии»). Идет адаптация большого количества слов из языков американских индейцев и негров, введенных в Бразилию.

На взаимосвязь и взаимовлияние португальского и местных языков указывает еще одна интересная особенность бразильского варианта, а именно, образование глаголов от существительных индейского происхождения: *acaboclar-se* («стать похожим на индейца-метиса», от индейского *cabolco*), *acaipirar-se* («распространиться, стать известным», от индейского *caipira*), *moquear* (жарить на решетке, от индейского *moquem*), *perescar* (слоняться, от индейского *peresa*). В языке активно используются некоторые африканские бытовые наименования: *moleque* («негритенок»), *quitanda* («овощная лавка»), *marimba* («барабан»), *ingar* («ругать, оскорблять») и др.

Кроме того, в начале XX в. на территории Бразилии идет развитие многозначности за счет метафорического и метонимического переноса, и язык пополняется благодаря усвоению индейской лексики. Язык тупи повлиял также на произносительную форму слов в языке Бразилии: он становится более среднелазычным, уменьшается количество консонантных комплексов, за счет чего язык становится более плавным. Можно констатировать следующий факт: в этот период язык практически не включается в глобальные изменения, он остается замкнутым внутри региона.

В конце XX — начале XXI вв. в Бразилии снова происходила смена режимов, привычная правительственная чехарда, были экономические проблемы. Однако страна, которую еще недавно называли «спящим гигантом», «проснулась» в геоэкономическом и геополитическом смысле. Это становится видно по изменениям в языке. Можно ожидать активного словообразования, появления новых суффиксов, массы новых слов, активного семантического переноса, который ведет к появлению новых значений у слов, небольшого числа заимствований или практически их отсутствия.

В бразильском варианте португальского языка в последнее время широко используется будущее время сослагательного наклонения, что интересно с точки зрения психолингвистики, так как увеличение сослагательных форм может указывать на большой потенциал, но пока малую реализацию. В языке появляется все больше неличных конструкций, например, герундиальных. Герундий (*Gerúndio*) образуется путем присоединения к основе глагола окончаний *-ando* (1-я группа: *jogando*), *-endo* (2-я группа: *bebendo*), *-indo* (3-я группа: *dormindo*), *-ondo* (4-я группа: *pondo*). Исполняемая им роль, в общем, тождественна функции деепричастия в русском языке: *Gritando e gesticulando feito um louco, o cliente exige que devolvessem seu dinheiro* («Крича и жестикулируя, как сумасшедший, клиент требовал, чтобы ему вернули деньги»). Наблюдения за другими индейскими языками (хопи, якама/якима) показывают, что это часто связано с влиянием индейских языков, где время представлено недискретно, оно плавно перетекает из настоящего в будущее, будучи тесно связанным с прошлым.

В целом многозначность в бразильском языке не приобрела такого размаха, как в английском, и большинство слов имеют по два-три значения, однако есть тенденция к увеличению количества значений в словаре на базе изменений в самом бразильском варианте португальского языка: *alcançar* («догонять, застать в живых, постигать, понимать, хватать, быть достаточным») и др. В языке Бразилии понемногу развивается конверсия в парах прилагательное — существительное: *sereno* («ясный, спокойный и ночная роса, моросающий дождь»), *velador* («бодрствующий, бдительный, стерегущий, сторож»).

Другим заслуживающим внимания способом пополнения словарного состава является активный семантический перенос: *branca* («белый, чистый, седой» и старинная серебряная монета, бразильская водка); *raia* («черта, полоса, штрих, пробор волос, граница, бумажный змей, беговая дорожка» и «рыба-лещ»); *curtir* («закалять и испытывать» и еще «дубить, замачивать, солить, мариновать») [21; 22].

Кроме того, все более важную роль в словообразовании играют ассоциации на базе СМИ: *panicat* (*Panicat Juju deixou muitos marmanjos boquiabertos*; «паника на телевидении»), *frango/frangasso* («вратарь сборной, которую разгромили»), *despachante* («профессиональные посредники, которые за дополнительную плату убыстряют процесс/лоббисты»). Еще одним активным источником пополнения словаря становится молодежный сленг: *afiambrar-se a pessoa/coisa* («прилипнуть к кому-либо, чему-либо»), *atinar com algo* («понять, врубиться»), *curtir* («тащиться», «получать удовольствие»).

Все, рассмотренное выше, позволяет подвести некоторые итоги. Прежде всего следует отметить, что португальский язык в Бразилии сегодня является активно-развивающимся организмом, который прошел большой путь от соперничества с местными индейскими языками до полного интегрирования в жизнь страны. Язык развивался на новой территории, но долгое время зависел от языка метрополии, поэтому многие заимствования шли через португальский вариант языка.

Иезуитские миссии сыграли важную роль в сохранении коренных языков на территории страны, благодаря чему сегодня мы имеем огромный пласт лексических заимствований из индейских языков в португальском языке Бразилии, также, как и влияние на современное произношение местных говоров и языков. Освоение страны святыми отцами Ордена иезуитов заложили традиции коммуникации разных народов на территории современной Бразилии.

Культурно-языковая ситуация в стране оказалась под большим воздействием типов личности колонизаторов, возглавляемых римской церковью. Однако еще большее влияние оказали меняющиеся экономические условия. поэтапное освоение основных территорий, приводившее к постоянным внутренним миграциям, сыграло важную роль в становлении единого языка, который живо реагировал на все изменения жизни народа. Тем не менее мы видим, что португальский язык Бразилии сохранил присущие ему способы пополнения словаря, среди которых главное место занимает аффиксация. Другим важным способом увеличения словарного состава является семантический перенос, который в основном базируется на метафорическом и метонимическом переносе.

Бразилия в последнее время демонстрирует независимую гибкую политику. Это отражается и на языке: количество заимствований из американского английского крайне ограничено, даже лексика терминологической базы часто выстраивается на основе смыслового переноса. Все это привело к тому, что в португальском языке Бразилии появились хорошо развитые синонимические ряды, которые, тем не менее, не ведут к хаотичному избытку лексики. Однако следует отметить и некоторые не совсем положительные тренды: по состоянию языка очевидно, что основной пласт языкового выражения не отражает активного встраивания Бразилии в глобальные процессы, так как бразильский вариант португальского языка в основном задействует собственные ресурсы и при этом не является источником заимствований для других языков.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Мартынов Б.Ф. Бразилия – гигант в глобализирующемся мире. М., Наука, 2008, 318 с. [Martynov B.F. Braziliya – gigant v globaliziruyushchemsya mire [Brazil: a giant in a globalizing world]. Moscow, Nauka, 317 p. (In Russ.).]
2. Окунева Л.С. Бразилия: особенности демократического проекта: страницы новейшей политической истории латиноамериканского гиганта (1960-е гг. – 2006 г.). М., МГИМО–Университет, 2008. 823 с. [Okuneva L.S. Braziliya: osobennosti demokraticeskogo proyekta: stranitsy noveyshey politicheskoy istorii latinoamerikanskogo giganta (1960-ye gg. – 2006 g.) [Brazil: Specific Features of Democratic Project: Satgess of the Recent Political History of the Latin American Giant (the 1960s - 2006)]. Moscow, MGIMO–University, 2008, 823 p. (In Russ.).]
3. Добронравин Н.А. Влияние Коммунистического Интернационала в Бразилии: от конструирования "негритянских республик" к "черному сознанию". *Латиноамериканский исторический альманах*. № 26, 2020, сс. 109-131 [Dobronravin N.A. Vlianiye Kommunisticheskogo Internatsionala v Brazilii: ot konstruirovaniya "negriyanskikh respublik" k "chernomu soznaniyu" Latinoamerikanskiy istoricheskiy al'manakh [Influence of the Communist International in Brazil: from the construction of "black republics" to "black consciousness"]. *Latin American Historical Almanac*. N 26, 2020, pp.109-113 (In Russ.).]
4. Dobronravin N. The Comintern. "Negro Self-Determination" and Black Revolutions in the Caribbean. *Interfaces Brasil/Canadá*. Florianópolis/Pelotas/São Paulo, v. 20, 2020, pp. 1-18.
5. Shemyakin Yákov G. Identidad: la base civilizacional del desarrollo sostenible. *Iberoamérica*. N 4, 2019, pp. 86-104.
6. McCrone D., Bechhofer F. Understanding National Identity. Cambridge University Press, 2015, 226 p.
7. Науменко Т.В. Морозова Д.А. Теория межкультурных измерений Г. Хофстеде как методологическая основа исследования современных социальных процессов. *Международный журнал исследований культуры*. № 1 (30) 2018, сс. 144-154 [Naumenko T.V. Morozova D.A. Teoriya mezhkul'turnykh izmereniy G. Khofstede kak metodologicheskaya osnova issledovaniya sovremennykh sotsial'nykh protsessov [G. Hofstede's theory of intercultural measurements as a methodological basis for the study of modern social processes]. *International Journal of Culture Research*, N 1 (30), 2018, pp. 144-154 (In Russ.).]
8. Pojeto Atlas Linguístico do Brasil. Available at: <https://alib.ufba.br/content/objetivos> (accessed 21.02.2021).
9. Fishman J.A. "The primordialist-constructivist debate today: the language-ethnicity link in academic and in everyday-life perspective". *Ethnonationalism in the Contemporary World*. London, Routledge, 2002, pp. 83-91.
10. *Неотрадиционализм: архаический синдром и конструирование новой социальности в контексте процессов глобализации: коллективная монография*. Отв. ред. В.В. Бочаров и В.А. Попов. Российская академия наук, Санкт-Петербургский научный центр, Институт восточных рукописей (Азиатский музей). СПб, Центр информатизации образования "КИО", 2019, 317 с. [Neotraditsionalizm: arkhaiskiy sindrom i konstruirovaniye novoy sotsial'nosti v kontekste protsessov globalizatsii: kolektivnaya monografiya [Neo-traditionalism: an archaic syndrome and the construction of a new sociality in the context of globalization processes: a collective monograph]. St.Petersburg Scientific Center, Institute of Oriental Manuscripts (Asian Museum), St.Petersburg, Center for Informatization of Education "KIO", 2019, 317 p. (In Russ.).]
11. Chomsky N. Language and Mind. Cambridge, Cambridge University Press, 2006, 190 p.
12. Елмслев Л. Прологомены к теории языка. М., КомКнига. 2006, 248 с. [Elmslev L. Prolegomeny k teorii yazyka [Prolegomena to the theory of language]. Moscow, KomBook. 2006, 248 p. (In Russ.).]
13. Francisco Adolpho de Varnhagen. Historia geral do Brazil, vol. 1, 2. E.H. Laemmert, 1857. Available at: <https://books.google.ru/books?id=G100AAAAQAAJ&prin-tsec=front-cover&hl=ru#v=onepage&q&f=false> (accessed 27.12.2020).
14. Ganson B.Ф. Antonio Ruiz de Montoya, Apostle of the Guaraní. *Journal of Jesuit Studies*. 2016, N 3 (2), pp. 127-136.
15. Freyre G. The Masters and the Slaves (Casa-grande&Senzala). *A Study in the Development of Brazilian Civilization*. University of California Press, 2011, 432 p.

16. Добронравин Н.А., Сиим А.Ю. Этнокультурные и политические аспекты лусотропикализма. *Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2009 г.* СПб., МАЭ РАН, 2010, сс. 186–191 [Dobronravin N.A., Siim A.Yu. Etnokul'turnyye i politicheskiye aspekty luzotropikalizma [Ethnocultural and political aspects of lusotropicalism]. *Radlov collection: Scientific research and museum projects of the MAE RAS in 2009.* St.Petersburg: MAE RAS, 2010, pp. 186–191 (In Russ.).]
17. Gregores E., Suarez J.A. A description of colloquial Guarani. The Hague. Paris, Mouton&Company, 1967, 248 p.
18. Barbosa, Pe.A. Lemos. Curso de Tupi Antigo: Gramática, Exercícios, Textos. Rio de Janeiro: Livraria São José, 1956, 480 p.
19. Вольф Е.М. История португальского языка. М, Ленанд, 2019, 264 с. [Vol'f Ye.M. Istoriya portugal'skogo yazyka [History of the Portuguese language]. Moscow, Lenand, 2019, 264 p. (In Russ.).]
20. Gladstone Chaves de Melo. A língua do Brasil. Rio de Janeiro, Fundação Getúlio Vargas, Serviço de Publicações, 1971, 209 p.
21. Вебер Н.И. Новый португальско-русский\русско-португальский словарь, М, Дом славянской книги, 201, 896 с. [Veber N.I. Novyy portugal'sko-russkiy\russko-portugal'skiy slovar [New Portuguese-Russian\ Russian-Portuguese Dictionary]. Moscow, Dom slavyanskoy knigi, 2017, 896 p.
22. Феерштейн Е.Н., Старец С.М. Большой португальско-русский словарь. М., Живой язык, 2016, 936 с. [Feershtein E.N., Starets S.M. Bol'shoj portugal'sko-russkiy slova [Comprehensive Portuguese-Russian Dictionary]. Moscow, Zhivoj jazyk, 2016, 936 p.

Olga Yu.Kornienko (lin_expr@mail.ru)

PhD in Linguistics (Structural Grammar), Ass. Professor, Faculty of Global Studies,
Lomonosov Moscow State University

Vorobiev y gory, 1, 119991 Moscow, Russian Federation

Language factor and Brazilian national identity

Abstract. The article examines the role of the linguistic factor in the formation of linguistic identity in Brazil. National identity reflects the complex processes of the existence and development of a nation in cultural and linguistic environment, the language being not only an important identification factor, but also an objective tool for determining other factors affecting the formation of the Brazilian nation and its identity. The close connection between the ongoing economic, spatial-historical and social processes and the formation of identity is analyzed with the help of the author's method of socio-linguistic isomorphism. It resulted in the following findings: the formation of the Brazilian version of the Portuguese language was greatly influenced by the Indian languages, information about which was meticulously collected and systematized by the Jesuits; the language maintained a close connection with the language of the metropolis for a long time, having taken its own track only after gaining independence. At present the shifts in the linguistic reflection of Brazilian reality are revealed through the polysemy trends, transfer of meaning, professional media slang, youth slang.

Key words: Brazilian Portuguese, tupi, word-formation mechanisms, identity, borrowings, polysemy.

DOI: 10.31857/S0044748X0017114-4

Received 10.03.2021.